

КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: СОГЛАСИЕ ЧЕРЕЗ ДОВЕРИЕ

И. А. Грошева

Тюменский филиал НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права», Россия

И. Л. Грошев

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Россия*

В контексте социальных преобразований, направленных на оздоровление и гуманизацию общества, проблема поиска механизмов культурной интеграции становится весьма актуальной. Не вызывает возражения утверждение о том, что культура детерми-

нируется совокупностью ценностей, приобретенных в условиях жизнедеятельности поколений. В свою очередь, на основе ценностей формируется ментальность, выражающая способы мышления, восприятия социальной жизни, влияющая на умонастроения, характер деятельности, поведения и отношений [1, с. 44]. Менталитет выступает интегральным отображением культурных традиций, сформированных под воздействием социогенных факторов: обучения и воспитания, развитости информационного поля, адекватности социальных институтов и др. Процесс культурной трансмиссии делает возможным вариативный подход к формированию ментальности, но не всегда формирует предпосылки для установления единства и согласия в обществе.

П. А. Сорокин в своей работе «Социальная и культурная динамика» раскрыл основные формы интеграции элементов культуры, которые разделил на четыре типа: 1) пространственное, или механическое соседство; 2) косвенная ассоциация под воздействием внешнего фактора; 3) причинная, или функциональная интеграция; 4) внутреннее, или логико-смысловое единство [2, с. 35].

Российская культура представляет собой конгломерат культурных элементов, поскольку в течение длительного периода усилия сменяющихся друг друга правителей направлены на то, чтобы как можно скорее изменить историческую память народа и «переписать историю заново». Первая попытка масштабной трансформации истории России предпринята в 1917 г. В последующем такие приемы использовались многократно, как неперенный атрибут смены очередного руководителя страны. Отдельные этапы истории страны нередко «творчески переписывались», излагались в «нужном» направлении, что привело к нарушению целостности, преемственности образа истории России в массовом сознании. Нескольким поколениям россиян пришлось по два-три раза переосмысливать свои взгляды на лично прожитые ими в течение активной трудовой жизни этапы истории [3, с. 17]. Все это порождало конфликты между поколениями, нарушало принципы преемственности и передачи накопленного социального опыта.

Печальные последствия «захлапленного чердака» (в терминах П. А. Сорокина) не заставили себя долго ждать. Синкретичные ценности породили синкретичную ментальность, проявившуюся, впрочем, не только в русской культуре. В стремлении конструирования единства нации, новой ментальности мы можем наблюдать попытки установления символов, идей, которые могли бы, по мнению новых идеологов, способствовать сплочению нации. В качестве апологетов выставлялись принципы: с одной стороны – соборности, с другой – апеллирование к нормам естественной морали (возврат к истокам в виде неоязычества). Искусственное ускорение этих процессов привело к дисфункциональным социальным последствиям, проявившимся как в радикализации (например, организация, осуществляющая борьбу за чистоту православной веры, «Божья воля»; националистические организации, использующие славянскую символику, и др.), так и нравственном полиморфизме.

В этом контексте важны косвенные ассоциативные связи, порождающие высокую степень субъективизма в конструировании ментальности. Сорокин П. А. приводит пример Вологодской губернии, где соседствуют такие элементы, как водка, лыжи, избы, валенки, печи и др. [2, с. 36]. В отдельности для распития водки не нужны лыжи, нет необходимости печи для валенок. Однако разнородные элементы связаны посредством общего внешнего фактора – климатических условий. Это очевидно для антрополога-интеграллиста или для социолога, занимающихся научными исследованиями. Но эта же совокупность элементов может быть использована заинтересованными лицами в идеологических целях для конструирования, например, русской ментальности: образ «пьяного ленивого мужика в валенках на печи», без учета внешних условий социальной среды. Ссылки авторов российских реформ на объективные и субъективные трудности трансформации социалистического общества, на специфику ментальности, характер

противоборствующих сил не выдерживают никакой критики хотя бы потому, что в России начала 90-х гг. прошлого века наблюдался небывалый всплеск трудовой и гражданской активности.

Утверждение о том, что любая совокупность объектов культуры представляет собой интегральное единство, нельзя считать истинным. Об этом может свидетельствовать хотя бы тот факт, что экономические и политические реформы в странах Центральной и Восточной Европы, а также в России начинались примерно одинаково. Незадолго до известных событий 1991 г. социологические опросы демонстрировали уверенное преобладание в общественных настроениях либеральных идей: свободный рынок, включая рынок труда, сдерживаемый нормами социальной защиты; доминирующее положение частной собственности; минимальное вмешательство государства в экономические процессы; гражданские свободы; четкое разделение исполнительной и законодательной властей; независимый суд [4, с. 42]. Однако в России на момент начала преобразований отсутствовали практические навыки гражданской самоорганизации, опыт жизнедеятельности в условиях частной собственности, жизни в условиях правового государства, поэтому развитие пошло по иному, отличному от европейского пути сценарию. По мнению П. А. Сорокина, столь плачевный результат можно было получить в случае привития демократической правовой системы на социально-кастовый строй [2, с. 39]. Лишь некоторые из компонентов различных культур могут быть причинно связаны друг с другом, кроме того, наряду с причинно-функциональным единством может быть обнаружено и логико-смысловое. Интегральный логико-смысловой подход позволил ученому выделить три типа культур: идеациональную, смешанную и чувственную.

Представленный анализ свидетельствует о сложности интеграционных процессов, а также о стремлении заинтересованных лиц манипулировать элементами культуры для достижения определенных целей. Можно сколько угодно акцентировать внимание на национальной самобытности, ментальной исключительности, символической уникальности, но это не будет способствовать установлению социального согласия, а наоборот, приводит к разобщенности и конфликтности. Поэтому, ориентируясь на теорию П. Штомпки, целесообразно выстраивать теоретические выводы, обращая внимание на взаимодействие пяти макрообщественных условий, содействующих возникновению культуры доверия.

Во-первых, это нормативная связь. Такие нормы, как мораль, право и обычай, создают «прочный скелет общественной жизни». Благодаря этим нормам жизнь становится безопасной, упорядоченной, так как люди знают, что должны (или не должны) делать [5, с. 300]. Там, где стандарты доверия признаны, жизнь становится безопасной, так как другие тоже подчиняются этим же стандартам.

Следующим условием, формирующим доверие, является стабильность общественного порядка. В случае быстрых радикальных изменений дестабилизация разрушает ткань общественной жизни, реконструируются сообщества, организации, старые навыки теряют соответствие времени. В обществе начинают доминировать чувства обособленности и беспокойства. Поскольку ничего не исключено, полная неопределенность в умах, следовательно, растет недоверие.

Третьим условием формирования доверия выступает прозрачность общественных организаций. Доступ к информации о достижениях, производительности, особенностях функционирования обеспечивает чувство причастности к общему процессу. В то время как принципы функционирования неясны, окружены тайной, зарождается подозрение, не способствующее формированию доверия. Личность «закрывается» от коммуникативной деятельности, создаются предпосылки для нравственной и духовной деформации.

Четвертым условием формирования культуры доверия является привычность окружения, в котором находятся люди [5, с. 303]. Если же человек выступает в роли временщика, мигранта, туриста, попавшего в другую среду, то это чревато потерей корней, а также потерей доверия. Чужая культура, еще недавно порождавшая «здоровый интерес», одноmomentно трансформируется в социальный антагонизм, имеющий враждебный характер. Происходит группировка граждан в «отряды самообороны», где главная задача – сохранение культурной идентичности.

Не менее важным условием формирования доверия выступает ответственность. Когда существует много институций, создающих стандарты с последующим контролем за поведением, уменьшается опасность и даются гарантии ряда процедур. Например, в случае нарушения прав люди могут обратиться в соответствующую инстанцию за их восстановлением. Когда мы сталкиваемся с противоположностью ответственности – самоуправством, это открывает путь для полного произвола действий. В случае отсутствия гарантии прав личности люди начинают ощущать беспомощность, где подозрительность и недоверие – вполне естественные реакции [5, с. 305].

Очевидно, что культура доверия базируется на естественных принципах социального общежития, нашедших свое отражение в мировых религиях и общечеловеческой практике, что следует рассматривать как единую социально-историческую платформу культурной интеграции на постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михеева, В. В. Ценности и установки украинского народа / В. В. Михеева // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: материалы VII Междунар. науч. конф., Гомель, 26–27 мая 2011 г. В 2 ч. Ч. 1 / М-во образования Республики Беларусь [и др.] ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2011. – С. 44–46.
2. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин ; пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.
3. Шереги, Ф. Э. Социология права: прикладные исследования / Ф. Э. Шереги. – СПб. : Алетей, 2002. – 447 с.
4. Шкаратан, О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / О. И. Шкаратан. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 560 с.
5. Штомпка, П. Доверие – основа общества / П. Штомпка ; пер. с пол. Н. В. Морозовой. – М. : Логос, 2012. – 440 с.

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

Славомир Вежбицки

Естественно-гуманитарный университет, г. Седльце, Польша

Противостояние современным вызовам и угрозам, возникающим в области безопасности, как в широком значении данного понятия, так и в границах одной из ее сфер – культурной безопасности, требует консолидации усилий международного сообщества. Опираясь на непреходящие ценности гуманитарного права, такая кооперация должна исходить из конструктивного согласования мнений и действий субъектов безопасности с целью обеспечения мира и стабильности в вопросах международной безопасности. В вопросах соблюдения международного гуманитарного права особенное место занимают нормы, касающиеся сохранения культурного наследия [1, с. 234–236].

Защита культурного достояния, в особенности во время конфликтов, является камнем преткновения права вооруженных конфликтов. Это связано, с одной стороны, с осознанием основополагающих человеческих ценностей, а с другой стороны, с национальным интересом отдельных государств. Ущерб, наносимый культурным ценно-